

---

*Вопросы культурологии и истории***«ЖРЕЦ» КЛИО
(К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А. В. ФЛОРОВСКОГО)***Е. П. Аксёнова*

Среди блестящей плеяды русских учёных, вынужденных в начале 1920-х гг. покинуть родину и продолжать свою научную деятельность за границей, заметное место занимал историк Антоний Васильевич Флоровский. Долгое время в советской историографии оставался в тени факт существования русской эмигрантской науки со своими научными центрами и выдающимися учёными, в межвоенный период продолжавшими научные исследования и представлявшими отечественную науку на международных форумах. На родине их работы замалчивались или подвергались резкой критике и оценивались крайне необъективно – такая позиция сформировалась под воздействием господствовавшей в стране большевистской идеологии. Русская зарубежная наука, несмотря на непризнание её в СССР, продолжала жить, поддерживать лучшие традиции дореволюционной науки и развивать новые направления. Оказывая влияние на развитие научных исследований в странах пребывания и получая дополнительные стимулы для своей работы от тех возможностей, которые предоставляли зарубежные коллеги и их научные центры, русская наука оставалась всё же русской, сохраняя присущие ей черты.

Отрадно, что в наши дни ученые повернулись лицом к проблеме русской эмиграции вообще и научной эмиграции – в частности. В этом плане сделано уже немало: проведён ряд конференций, собраны и опубликованы личные документы, рукописи, письма учёных русского зарубежья, напечатаны статьи и книги об их деятельности. И всё же без преувеличения можно сказать, что исследователям данной проблематики предстоит ещё много работы. Она осложняется тем, что архивы учёных либо совсем не сохранились (например, по причине частых переездов), либо разрознены и неполны. К тому же значительная часть материалов находится вне пределов России. Фрагментарность доступных российским исследователям документальных свидетельств о жизни и деятельности эмигрантов, отсутствие части эмигрантских изданий в наших библиотеках зачастую не позволяют составить полное представление о том или ином русском учёном или научной организации за рубежом. Обращение к иностранным архивам и периодическим изданиям, а также к мемуарной литературе даёт дополнительные материалы, позволяющие судить о положении русской науки и русских учёных за границей.

В отношении А. В. Флоровского историкам науки повезло больше. По завещанию учёного его архив в 1976 г. был передан в Архив Академии наук СССР, однако интерес к нему возник лишь в начале 1990-х гг., после снятия «табу» на изучение проблематики русской эмиграции. Фонд № 1609 находится в отличной сохранности и содержит материалы биографического характера, о научной и преподавательской деятельности, научные труды (в том числе и опубликованные в эмигрантских изданиях), лекционные курсы, обширную переписку. Все эти доку-

менты, дополняя друг друга, в комплексе дают представление о жизни и работе самого фондообразователя и вместе с тем достаточно цельную картину деятельности пражского центра русской научной эмиграции в 1920–1940-х гг. и связей с представителями русской науки в других странах. Полную научную биографию А. В. Флоровского еще предстоит написать. В настоящее время, опираясь на личные (автобиографические и другие) и эпистолярные документы учёного, представим лишь сжатый очерк его жизни и деятельности.

А. В. Флоровский получил воспитание в духовной семье. По воспоминаниям сестры ученого, дед их был причетником в селе Флоровском (Новгородской губернии) при церкви свв. Флора и Лавра. Отец учился в Новгородском духовном училище и семинарии, затем в Московской духовной академии, руководимой А. В. Горским, где слушал лекции В. О. Ключевского. По окончании академии был направлен в Одессу преподавателем духовного училища. У него был абсолютный слух и прекрасный бас¹. Мать также происходила из духовного сословия, из рода Попруженко² (известный славист М. Г. Попруженко был родным братом матери и дядей А. В. Флоровского). Дед по материнской линии, «малоросс», родом из села Орлова балка на границе Киевской и Херсонской губерний, окончил Киевскую духовную академию, служил в Сретенской церкви в Одессе. Он был широко образованным человеком, знатоком и преподавателем древних языков, «интересовался и передовыми идеями и читал в своё время “Колокол” Герцена и другую подходящую литературу». Мать также «не осталась в стороне от тогдашних передовых веяний»³.

В семье Флоровских было четверо детей⁴. Старший сын Василий (1881–1924) окончил медицинский институт, в период гражданской войны и последующие годы работал врачом в Одессе и умер от туберкулеза⁵. Младший сын Георгий (1893–1979) окончил историко-филологический факультет Одесского университета, стал известным философом, богословом, историком, одним из основателей евразийства. В 1920 г. эмигрировал. В межвоенный период жил в Болгарии, Чехословакии, Франции, во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы – в Югославии, в 1948 г. переехал в Америку, где и закончил свой земной путь⁶. Дочь Клавдия (1883–1963) после окончания Бестужевских курсов в Петербурге продолжила учёбу в Италии и Франции, затем преподавала на кафедре истории средних веков Одесского университета. В 1920 г. эмигрировала с родителями и братом Георгием в Софию, где преподавала русский язык в университете. В 1950-х гг. вернулась на родину, в последние годы работала переводчиком в Московской Патриархии⁷.

А. В. Флоровский был третьим ребёнком в семье. Он родился 1 (13) декабря 1884 г. в Елисаветграде (Кировограде) Херсонской губернии, где его отец в то время был смотрителем духовного училища. Обстановка, в которой проходило раннее детство будущего учёного, лишь несколькими штрихами обозначена в воспоминаниях его сестры. Любимыми игрушками детей, отмечала она, были деревянные солдатики, на стенах висели лубочные картины, изображавшие русских богатырей, основным чтением являлся еженедельный детский журнал «Задушевное слово»⁸. По собственному признанию А. В., уже в годы учёбы в IV-ой Одес-

ской классической гимназии (1894–1903) определились его интересы в области истории и литературы. Окончив гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Новороссийского (Одесского) университета, где занимался у Э. Р. фон Штерна (древняя история), В. М. Истрина (история древней русской литературы), Е. Н. Щепкина (история Западной Европы) и особенно серьёзно изучал историю России в семинаре И. А. Линниченко. По окончании университета с золотой медалью за работу «Крестьянский вопрос в Законодательной комиссии Екатерины II» Флоровский был оставлен при университете для приготовления к профессорской деятельности по кафедре русской истории⁹.

В 1911 г. после сдачи магистерских экзаменов молодой преподаватель стал читать лекции и вести семинары в родном университете в должности приват-доцента. Через пять лет в 1916 г. в Москве состоялась защита его магистерской диссертации, посвящённой Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Оппонентами выступали профессора М. М. Богословский и Ю. В. Готье. После успешной защиты Флоровский был избран советом Новороссийского университета на кафедру русской истории и уже в качестве профессора стал читать лекции по древней русской истории (до XVII в.), спецкурсы по русским летописям и русской исторической географии и др.¹⁰ Одновременно он вёл курс по истории России на одесских Высших женских курсах, а также курс экономической истории России на экономическом факультете Одесского политехнического института¹¹.

Как А. В. Флоровский воспринял революционные преобразования в стране и события гражданской войны – из его автобиографических документов понять трудно. Но известно, что в эти годы, когда на юге страны наблюдалась чехарда политической власти, профессор нередко отсиживался дома, вместе с женой, верной спутницей всей его жизни Валентиной Афанасьевной Белоусовой. В переписке с родственниками и коллегами – если судить по той части писем, которая до нас дошла, – он тоже не касался вопросов политики, обсуждая со своими корреспондентами лишь семейные, бытовые или научные и организационные вопросы. Однако в речи на собрании историков в Праге весной 1923 г. учёный говорил, в частности, о «восстановлении нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)»¹². Но это было уже спустя пять с половиной лет после октябрьских событий. Так или иначе, если даже сразу после революции он не одобрял произошедших в стране радикальных перемен, то покидать родину явно не спешил (хотя часть семьи отбыла из Одессы ещё в начале 1920 г.).

В это время в России происходил слом старой образовательной системы, а во вновь создаваемой советской не видно было конца всевозможным экспериментам. В 1920 г. на базе Одесского университета возникли Институт народного образования и Институт народного хозяйства. В них, как и во вновь созданном в Одессе Археологическом институте, Флоровский продолжал профессорскую деятельность, читая курсы русской исторической географии, русской истории и истории народов Балканского полуострова, существенно расширив, таким образом, тематику своих лекций и свои исследовательские горизонты. Возможно, это одно

из первых обращений учёного к проблематике истории славянских и соседних с ними народов.

Педагогическая деятельность А. В. Флоровского не исчерпывалась чтением лекций в высших учебных заведениях Одессы. Из косвенных источников выясняется, что с момента окончания университета и до начала 1920-х гг. он также преподавал историю в средних учебных заведениях города¹³. Но и этим не ограничивалось многообразие служебных обязанностей Флоровского. Наряду с преподавательской работой он активно сотрудничал в различных научных организациях и обществах Одессы: был библиотекарем и членом правления одесского Библиографического общества, библиотекарем и членом Историко-филологического общества, правителем дел (секретарём) и заведующим музеем Одесского общества истории и древностей. В 1920 г. А. В. стал помощником заведующего Одесским областным Архивным управлением, в следующем году – директором Одесской публичной библиотеки, а затем – Главной библиотеки Высшей школы (бывшей университетской)¹⁴.

Свою научную деятельность сам Флоровский делит на два периода, первый из которых называет «одесским»¹⁵ и ограничивает 1910–1922 гг. Именно в 1910 г. вышла первая научная работа молодого исследователя «Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве», в основу которой было положено названное выше студенческое сочинение, расширенное и дополненное материалами после работы автора в архивах Москвы и Петербурга. С выходом книги интерес к этой теме у Флоровского не угас, а, наоборот, углубился. Его как исследователя привлёк вопрос об участии в Комиссии представителей «отдельных социальных группировок России». В результате возникла объёмистая (609 с.) книга «Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг.», опубликованная в 1915 г. в Одессе. В книге использованы богатые архивные материалы. Именно её Флоровский и защитил в качестве магистерской диссертации. В 1916 г. книга была удостоена Уваровской премии Академии наук, что являлось высоким признанием научных заслуг молодого учёного¹⁶.

В промежутке между этими двумя работами были опубликованы и другие исследования, в частности «Депутаты Войска Запорожского в Законодательной комиссии 1767 г.» (Одесса, 1912) и «История текста “положения” о выборах депутатов в законодательную комиссию 1767 года» (Одесса, 1913). Как отмечал сам Флоровский, вспоминая начальный период своей «учено-литературной деятельности», его труды о Комиссии 1767 г. «признаны были “блестящими” в историографическом обзоре В. И. Пичеты»; они даже «были положены в основу одного из семинаров в Берлинском университете, который вел известный знаток русской истории проф. К. Штелин»¹⁷.

В те годы Флоровский обнаружил большой интерес к «явлениям социальной истории России нового времени», прежде всего, к вопросу о «русском крепостном праве в разных его проявлениях и с разных сторон его развития и ликвидации». И после столь очевидного успеха своих первых книг он намеревался продолжить изучение социальных отношений второй половины XVIII в.¹⁸. Однако учёного увлекли другие темы.

К столетию войны 1812 г. Флоровский опубликовал работу «Отечественная война и Новороссийский край» (Одесса, 1913), а в связи с юбилеем династии Романовых – «Император Александр I в изображении вел. кн. Николая Михайловича» (Одесса, 1913). В планы историка вторгается «краеведческая» тематика, у него возникает «мысль о желательности изучения истории русской колонизации Новороссийского края». Однако уйти с головой в эту работу он не мог. Было, по крайней мере, два серьёзных препятствия: во-первых, отвлекала преподавательская работа (дававшая основной заработок); во-вторых, после революции, в годы гражданской войны «общие условия не позволяли широко осуществить изучение архивных фондов в столичных архивах ввиду все большей изоляции Одессы от северных центров страны». Поэтому историк был вынужден «сосредоточиться по преимуществу на изучении местного архивного материала по местной истории» (эта способность А. В. находить темы для исследований, так сказать, «по месту жительства» очень пригодилась ему в дальнейшем). В Одессе был богатый архив генерал-губернатора, содержащий документы по управлению Новороссией и Бессарабией. По материалам этого архива Флоровский изучал «судьбу крестьянской реформы 1861 г.» на юге России¹⁹. Результатом его исследований стала работа под названием «“Воля панская и воля мужицкая”. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии. 1861–1863» (Одесса, 1921). Таким образом, эта книга соединила в себе, с одной стороны, увлечённость учёного социальной проблематикой, а с другой – интерес к истории родного края.

На этом завершается первый период научной биографии А. В. Флоровского – период жизни и работы на родине, полный замыслов и надежд, интересных исследовательских поисков и творческих удач.

И вдруг разразилась гроза...

В 1922 г., закончив бои на фронтах гражданской войны, советская власть усилила наступление на идеологическом «фронте». Кампания борьбы с инакомыслием ширилась, готовая нанести удары философам, историкам, социологам, экономистам, юристам, медикам, литераторам, религиозным деятелям – высокообразованным специалистам самых разных отраслей знания, «золотому фонду» интеллектуальной России. Этому способствовал декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке». Он предусматривал выдворение без суда и следствия не только политических деятелей, но и учёных, преподавателей высшей школы и других представителей русской интеллигенции. Многие, не дожидаясь, когда им предложат покинуть страну, уезжали сами. Средства массовой печати подготавливали общественное мнение к положительному восприятию и одобрению готовящихся властями акций высылки интеллигенции за пределы отечества. После соответствующих предварительных мер осенью 1922 г. началось массовое изгнание учёных и других специалистов из России. Эти волны вынужденной эмиграции шли через Петроградский и Одесский порты²⁰. Не избежал этой печальной участи и А. В. Флоровский.

Неизвестно, чем он оказался неугоден советскому правительству, какие «компрометирующие» материалы легли в основу решения о прекращении его пребывания в России (напомним, что он занимал различные должности в совет-

ских организациях), но в августе 1922 г. его фамилия оказалась в числе первых в списке лиц, высылаемых за границу из Одессы. В сентябре того же года, как сообщал сам учёный, по распоряжению правительства он «должен был покинуть родину и перенести свою деятельность за ее пределы»²¹. Эта фраза эмоционально не окрашена и не содержит оценок, отношения к действиям властей и столь крутым переменам в жизни. Учёный лишь вскользь упоминает о пребывании в течение нескольких месяцев (сентябрь – декабрь 1922 г.) в Константинополе, Софии и Белграде²² (характерно, что этот краткий отрезок времени поиска пристанища он даже не включает хронологически в последовавший затем важный для него этап жизни). Зато оживлённая переписка осенью и зимой 1922–1923 гг. с товарищами по несчастью свидетельствует о трудностях жизни и трудоустройства за границей, особенно в первый период, когда мощная волна иммигрантов из России захлестнула многие европейские страны.

Вначале Флоровский оказался в Константинополе, который являлся для многих эмигрантов перевалочным пунктом. Там действовала русская академическая группа, членом которой стал А. В. Но жить в Константинополе было трудно, а найти работу ещё труднее. Некоторую материальную поддержку оказал учёному американский Красный Крест²³. Вскоре Флоровский получил визу в Болгарию и приехал в Софию, где обосновались его родители и сестра. В то же время он интересовался возможностями устройства в Сербии, Германии, Франции, Англии. В Софии Флоровский тоже не смог устроиться на работу и провёл там, по собственному признанию, три с лишним месяца «без всякого дела и заработка»²⁴. Но даже в таких сложных обстоятельствах настоящий учёный не может сидеть сложа руки. О своих занятиях в Софии Флоровский вспоминал: «Научную работу я себе, конечно, и здесь нашел, изучая архивы русской оккупации Болгарии 1877–1878 г. и знакомясь с журналами за период войны и революции»²⁵. В поисках работы он отправился в Белград, но и там не нашёл вакантных мест.

Сведения от русских коллег Флоровского, «бросивших якорь» в других странах, были неутешительными: везде существовали проблемы с трудоустройством и материальным обеспечением эмигрантов из России²⁶. Мечта поскорее попасть в Западную Европу, желательно – в Париж, не осуществилась. В те годы самые благоприятные условия для жизни и работы русских учёных-эмигрантов сложились в Чехословакии, правительство которой и лично президент Т. Масарик оказывали различные виды поддержки эмигрантским научным учреждениям и отдельным ученым. В Праге образовался довольно мощный центр русской зарубежной науки. При содействии брата Георгия и самом горячем участии, которое приняли в судьбе А. В. Флоровского Н. П. Кондаков²⁷ и Г. В. Вернадский²⁸, хлопотавшие о его устройстве на работу, учёный в начале 1923 г. обосновался в Праге²⁹. Он полагал, что это временное пристанище и продолжал стремиться во Францию, думая о «более устойчивом устройстве», но оказалось, что с Прагой будет связана вся его дальнейшая жизнь³⁰.

С пребыванием в Праге А. В. Флоровский связывал второй, более продолжительный период своей жизни и научной деятельности. Этот период охватывает 1923–1968 гг. Сам учёный в автобиографическом очерке, написанном по случаю

50-летия его научной деятельности, доводил этот период до 1960 г.³¹, но мы с полным основанием можем продлить его до 1968 г., поскольку последние годы жизни А. В. также прошли в Праге. Именно на пражский период пришёлся расцвет таланта историка. Жизнь в эмиграции, сколь бы трудной она ни была, не погасила огонь исследователя, который зажёгся в душе учёного ещё в России.

Поселившись в Праге, Флоровский стал членом многих научных, учебных, общественных, культурных, просветительных организаций, связанных с кругами русской эмиграции, и активно в них сотрудничал. Там он вошёл «в состав Русской учебной коллегии, имевшей задачей содействовать образованию русских студентов в Чехословакии ... и ряд лет состоял председателем (деканом) историко-филологического отделения названной коллегии»³²; кроме того, был действительным членом Русской академической группы в Чехословакии³³. За сухими строчками автобиографии кроются интереснейшие сюжеты, имеющие отношение к жизни самого Флоровского, его коллег-эмигрантов, судьбе русской науки за рубежом. А. В. Флоровский был действительным членом общества Русского народного университета³⁴, занимавшегося научной, педагогической и культурно-просветительной деятельностью. В университете он читал лекции и доклады, принимал участие в деятельности научно-исследовательского объединения университета³⁵.

С 1924 г. Флоровский – товарищ председателя, а в 1938–1940 гг. – председатель Русского исторического общества в Праге³⁶, членов которого, по словам учёного, объединяла мысль о согласной совместной охране лучших традиций русской исторической науки, о создании за границей прочного объединения всех русских историков для продолжения здесь работы по объективному познанию прошлого вообще, прошлого России в особенности». В РИО Флоровский выступал с докладами, принимал участие в издании «Записок» общества. В короткий период своего председательства, пришедшийся на первые годы Протектората, когда, как осторожно замечал историк, «общие обстоятельства жизни Праги вообще не благоприятствовали развитию сколько-нибудь живой деятельности Общества», «научные собрания были невозможны» и произошёл «разрыв прежних связей русской Праги с иными средоточиями русских историков», он был увлечён планами создания исторического журнала (которым, увы, не суждено было осуществиться). Флоровский хотел, чтобы журнал стал «литературным средоточием нашей свободной русской исторической науки», искал поддержки этому начинанию у коллег, договаривался о присылке ими статей³⁷.

С 1925 г. Флоровский входил в руководящие органы Русского заграничного исторического архива и в течение длительного времени (1933–1945 гг.) являлся председателем его учёного совета³⁸. Историк был членом Института им. Н. П. Кондакова, а в 1947 г. возглавил его³⁹. Будучи фактически директором института, он, не жалея сил и времени, с увлечением и заинтересованностью пытался возобновить почти угасшую деятельность этой организации⁴⁰, члены которой были рассеяны по всему свету. Флоровский старался «по мере своих сил и реальных возможностей удержать Институт на его традиционном ученом уровне...»⁴¹. Главной заботой учёного стало восстановление издания института – «Annalles de l'Institute Kondakov»,

прерванного после 11-го тома. В разные страны полетели письма историка коллегам с предложением участвовать в 12-м томе «Анналов», и многие с готовностью откликнулись на призыв⁴². Так, Г. В. Вернадский писал А. В. Флоровскому (30 июля 1947 г.), что рад узнать о возобновлении деятельности Института Кондакова и готов как автор принять участие в «Анналах»⁴³. Флоровский получил немало положительных ответов от своих коллег.

После окончания второй мировой войны, когда под воздействием СССР политический строй в Чехословакии приобретал всё более выраженный социалистический характер, Флоровскому, не замеченному в антисоветских действиях или выступлениях в годы эмиграции, в декабре 1946 г. было возвращено советское гражданство⁴⁴. Он мог бы вернуться на родину, но не воспользовался этой возможностью. Зато теперь он мог свободнее общаться (хотя бы заочно) со своими коллегами в СССР, и прежде всего с византинистами, с которыми он, видимо, обсуждал проблемы, связанные с перспективами деятельности Кондаковского института. В 1947 г. он писал одному из руководителей института и председателю его редакционного совета Г. А. Острогорскому⁴⁵, жившему в Белграде, что «обратился в Академию наук СССР с предложением ближайшего контакта и согласования работы». Через год он сообщал тому же адресату, что между «планами института, в частности и планом издания Анналов, и движением византиноведения в СССР нет никакого расхождения, напротив, полное согласие. Возобновление издания наших Анналов отвечает интересам и желаниям академического центра СССР»⁴⁶. В 1949 г. даже велись переговоры об «организационной связи Института с Академией наук СССР»⁴⁷. Из-за этих переговоров откладывался выход очередного тома «Анналов»⁴⁸. К сожалению, усилия Флоровского не увенчались успехом, в дальнейшем это издание так и не было возобновлено.

Наряду с русскими научными организациями Флоровский принимал участие в деятельности чехословацкого Славянского института⁴⁹ в Праге, членом которого он был с 1929 г.⁵⁰ В 1938 г. он подаёт руководству института развёрнутую записку, в которой излагает план создания при институте рабочего центра для выявления и регистрации материалов по истории славянских народов в архивах и рукописных собраниях Чехословакии. По мнению историка, именно Славянский институт мог бы взять на себя инициативу в этом деле как «объединяющий в своем составе всех специалистов по славянской истории в ЧСР (и вне ее) и включивший в программу своей работы изучение славянской истории и истории взаимных отношений славянских народов»⁵¹.

А. В. Флоровский не замыкался в рамках пражского научного центра. Он работал в архивах и библиотеках других стран и, по его собственным словам, «принимал деятельное участие в съездах и конференциях по историческим наукам – трех съездах русских ученых за границей – в Праге (1923), Белграде (1928) и Софии (1930), двух международных конгрессах историков в 1933 г. (Варшава) и в 1938 г. (Цюрих), двух конгрессах по славяноведению – 1929 (Прага) и 1934 (Варшава), конгрессах византинистов в Риме (1936) и др.». Кроме того, с 1927 г. учёный состоял в правлении Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран и участвовал в конференциях Федерации в Варшаве (1927,

1933), Львове (1930), Праге (1932), Будапеште (1935), Цюрихе (1938). В качестве члена рабочей комиссии (при правлении Федерации) по подготовке словаря славянских древностей по проекту профессора Фр. Буяка⁵² «выработал при содействии ряда русских специалистов предварительный план русской части словаря»⁵³.

Не ограничиваясь деятельным участием во всех перечисленных научных организациях, Флоровский немало времени и сил отдавал преподавательской работе. По приезде в Чехословакию он начал читать лекции на Русском юридическом факультете в Праге, вёл курс истории русской педагогики в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского (Прага), в течение многих лет читал самые разные курсы по истории России для русских студентов Карлова университета⁵⁴, с 1933 г. (после смерти А. А. Кизеветтера) читал курс русской истории на философском факультете того же университета (за исключением нескольких лет во время второй мировой войны, когда университет был закрыт). В первые послевоенные годы в правящих кругах Чехословакии, ориентированной уже на СССР, отношение к русским эмигрантам изменилось, в частности Министерство просвещения было против работы Флоровского в Карловом университете. Но уже в 1947 г. (видимо, после возвращения ему советского гражданства в 1946 г.) он был восстановлен на работе в университете, а в 1948 г. Президент Чехословацкой Республики утвердил его в должности ординарного профессора⁵⁵. В Карловом университете он проработал до 1957 г., когда, по его собственным словам, «закончил активную академическую деятельность» и вышел на пенсию.

Так случилось, что историк сначала стал доктором философии (1933) – в западных странах эта научная степень являлась общегуманитарной – затем после защиты диссертации на заседании Русской академической группы в Праге он получил степень доктора русской истории (1936), а в 1957 г. – доктора исторических наук (по чехословацким правилам) после защиты диссертации на историческом факультете Карлова университета⁵⁶.

А. В. Флоровский прожил в Праге 45 лет – большую часть жизни. Судя по его переписке, он был, видимо, не из тех, кто горько сетовал на условия быта, размер зарплаты и т. п. (в то время как ему многие жаловались на своё тяжёлое положение, о чём свидетельствуют письма коллег), но и для него было чрезвычайно важно, в какой обстановке приходится работать, каков морально-психологический климат среды, окружавшей русских в Праге. В Чехословакии эмигранты, по словам Флоровского, были «поставлены в условия особой охраны и покровительства, без полного, однако, привлечения их к работе местных университетов» и академий⁵⁷. Преподавательская работа в русских эмигрантских учебных заведениях также не обеспечивала полной занятости и реализации научных замыслов.

В отрыве от отечественных архивов и книгохранилищ, от собственных библиотек русские учёные (особенно – историки, в меньшей степени – филологи и другие специалисты) старались максимально использовать библиотеки и архивы в местах пребывания и в других странах (если открывалась возможность командировок или поездок за свой счёт). В начале 1920-х гг. Г. В. Вернадский сообщал ещё не определившемуся с выбором страны проживания Флоровскому, что пражские «библиотеки по русской истории очень неважны» и неполны, но можно по-

ехать в Берлин и Вену, где библиотеки гораздо лучше⁵⁸. По приезде в Прагу Флоровский лично убедился в том, что коллекции русских изданий и книг были «весьма скудны», в библиотеке Национального музея подбор русских книг «носил весьма случайный характер»⁵⁹. И всё же в Праге находились достаточно богатые книжные собрания Славянской библиотеки⁶⁰, библиотек Славянского института, Русского свободного университета, Русского заграничного исторического архива и др. В состав Славянской библиотеки, напоминал Флоровский, вошли книжные коллекции В. О. Ключевского, Е. Ф. Шмурло, Самариных и многие другие «частные и общественные собрания, имевшиеся за границей России» (правда, в годы войны пользование русскими книгами Славянской библиотеки для русских учёных было затруднено⁶¹). «Кое-что и порою существенное, – отмечал Флоровский, – можно было найти в библиотеках некоторых университетских семинаров – в историческом (проф. Бидл), историко-юридическом (проф. К. Я. Кадлец), археологическом (проф. Л. Г. Нидерле), славянском (проф. Мурко, Поливка и др.)». Эти книжные фонды, по признанию учёного, вскоре превратили Прагу «в город с богатейшими собраниями книг по истории России»⁶². В связи с этим Флоровский смог проводить исследования по тематике, начатой ещё в России, он «продолжил и даже расширил свои разыскания в области начальной русской истории», хотя публикации преимущественно основывались на «ранее собранных архивных и иных материалах»⁶³.

Однако вести интенсивную разработку прежней проблематики вдали от российских архивов и библиотек было всё же сложно, и Флоровский отлично понимал, что в новых условиях его научная работа должна быть «по необходимости иначе ориентирована», «с учетом местных условий», и предметом исследования будет уже «иной круг проблем»⁶⁴. Не впадая в состояние депрессии, учёный решил считать «свое пребывание за границей как бы вынужденной заграничной командировкой с научными целями» и использовать открывшиеся возможности для широкого изучения на местном материале русско-чешских взаимоотношений на протяжении веков. Для этой цели учёный привлёк восточнославянские, чешские, польские, немецкие источники, что помогло «выявить целый ряд явлений, которые никак не привлекали еще внимания исследователей ни чешских, ни русских, и установить ряд фактов и обстоятельств, по-новому освещавших различные стороны и чешской, и восточнославянской жизни» (прежде всего, это относится к исследованиям по истории русско-чешской торговли, об иезуитах, о Скорине и др.). Вместе с тем Флоровский замечал, что материал чешских архивов по тематике отношений восточных славян и чехов до XVIII в. «чрезвычайно фрагментарен и случаен»⁶⁵. Тем не менее ему удалось обнаружить немало материалов о пражском периоде деятельности Фр. Скорины⁶⁶, в том числе интересные «данные о вторичном пребывании Фр. Скорины в Чехии в роли ученого садовода при королевском саду короля Фердинанда I»⁶⁷. Флоровский подчёркивал, что понятию «русско-чешских» отношений он придавал «самый широкий смысл», вкладывая в него «все слагаемые восточнославянского народного целого»⁶⁸. Исследования учёного в этой области завершились созданием двухтомного труда «Чехи и восточные славяне» (Прага,

1935–1947), в котором прослеживаются политические, экономические, культурные отношения между этими народами на протяжении X–XVIII вв.⁶⁹

При подготовке книги не весь собранный Флоровским материал вошёл в опубликованный текст. Некоторые сюжеты «разрослись» до самостоятельных монографий, среди них: «Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений» (1929), «Ян Гус в русской оценке» (1935), «Чешские иезуиты на Руси» (1941), «Чешско-русские торговые связи в прошлом (X–XVIII ст.)» (1954) и др. (три последние – на чешском языке). Предмет особого внимания Флоровского составляла эпоха Петра I – ей он посвятил несколько статей, документальных публикаций и книгу «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого» (1955). Исследуя чешские архивы, Флоровский не проходил мимо материалов XIX в. Так, им был опубликован «Дневник графини Д. Ф. Фикельмон» (1959), «содержавший весьма интересные данные», по оценке самого учёного, о жизни петербургского общества в 30-е гг. XIX в. и об А. С. Пушкине⁷⁰.

Считая, что эмигрантская наука является истинной и полноправной представительницей русской науки, Флоровский прикладывал немало усилий для того, чтобы её издания были зафиксированы и не растворились в мировой историографии. Он написал ряд статей об исторической литературе русских эмигрантов⁷¹ и вошёл в состав и был одним из руководителей организованного в Праге Комитета русской книги, имевшего целью систематическую регистрацию всей русской печатной продукции вне СССР. Флоровский принял активное участие в составлении обзора всех русских эмигрантских изданий до 1924 г. и в устройстве большой выставки русской зарубежной книги в Праге (1924). Впоследствии как член Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран учёный взял на себя труд составления систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов Советской России, так и в СССР. В результате появилось несколько обзоров эмигрантских научных работ за 20–30-е гг.⁷² и советской исторической литературы до 1931 г.⁷³ (что имело большое значение для ознакомления западноевропейской научной общественности с развитием исторической науки в Советском Союзе). Кроме того, перу Флоровского принадлежат очерки о деятельности русских историков-эмигрантов – А. А. Кизеветтера⁷⁴, Е. Ф. Шмурло⁷⁵, Б. А. Евреинова⁷⁶ и др.

Флоровский всегда внимательно следил за развитием исторической науки на родине, не исключением стал и послевоенный период. Он установил и поддерживал контакты с советскими коллегами, о чём свидетельствует его переписка с историками В. Т. Пашуто⁷⁷, А. А. Зиминым⁷⁸, П. А. Зайончковским⁷⁹, директором Института языкознания АН БССР М. Р. Судником⁸⁰ (по поводу празднования юбилея Фр. Скорины) и др. Связи с коллегами в СССР⁸¹ помогли Флоровскому расширить возможности публикации своих материалов – некоторые его статьи помещены в советских научных изданиях, таких как «Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома»⁸², «Археографический ежегодник»⁸³, «Вопросах истории»⁸⁴ и др. В московском сборнике был опубликован и текст его доклада, подготовленного для Международного съезда славистов (1958)⁸⁵.

А. В. Флоровского, который причислял себя к «жрецам» Клио⁸⁶, можно назвать плодовитым автором. Диапазон его научных работ весьма широк. До конца жизни он интенсивно работал, писал, хотя в 1964 г. тяжело болел и перенёс операцию⁸⁷. Обращает на себя внимание его научное кредо: «Как ученый – я всегда был, есмь и буду сторонником живой и активной исследовательской и издательской работы»⁸⁸. Будучи уже в преклонных годах, он понимал, что возраст «требует покоя и тихих темпов работы», но подчиниться такому стилю жизни он, видимо, не мог. «Да, конечно, много пишу, – признавался учёный в одном из писем. – Много у меня уже готово, но хочется видеть это в печати по-русски»⁸⁹. В другом письме он уточнял, что им «написано на несколько томов», но печатать эти материалы на русском языке за границей не просто⁹⁰. Не всё из научного наследия Флоровского опубликовано, часть не вышедших в свет материалов хранится в его архиве. Некоторые работы он, видимо, не успел довести до конца. Уже после его смерти в Праге вышла книга, которая является итогом многолетних исследований автора – «От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг.» (1971). Но все известные нам труды историка – а их более ста – являются свидетельством разносторонних интересов и глубокого проникновения учёного в исследуемые им проблемы. Даже в нелегких условиях эмиграции он стремился к тому, чтобы его работы были хорошо фундированы. Активная научная, научно-организационная, преподавательская деятельность Флоровского в заграничный период его жизни позволяет сделать вывод о том, что он являлся одним из видных представителей русской зарубежной науки и, прежде всего, пражского научного и учебного центра, по праву именовавшегося «русским Оксфордом».

¹ Архив Российской академии наук (далее: АРАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 2, 4-5.

² Попруженко происходили из рода запорожских казаков. После разгрома Сечи «род Попруженко разделился — одна ветвь пошла по военной части... а другая — по духовной» (см.: Там же. Л. 6-7).

³ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 6-7, 12, 21. Во время второй мировой войны, когда русские в Европе находились под контролем германского Управления по делам русских эмигрантов, им требовалось доказать отсутствие в роду евреев, чтобы не закончить свои дни в печах концлагерей. Флоровскому, видимо, тоже пришлось подтверждать своё происхождение по отцовской и материнской линии «из духовного звания», о чём свидетельствует ответное письмо сестры, перечислявшей по его просьбе предков по мужской и женской линиям — их прямое отношение к духовенству должно было свидетельствовать, что «арийское происхождение (потомков. – Е. А.) несомненно и не требует доказательства» (Оп. 2. Д. 459. Л. 161).

⁴ Была ещё дочь Мария, умершая в раннем возрасте (1889–1891).

⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463. Л. 11.

⁶ См.: *Хоружий С.* Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала.* – 1991. – № 3. – С. 23-25.

⁷ *Блейн Э.* Жизнеописание отца Георгия // *Георгий Флоровский — священнослужитель, богослов, философ.* – М., 1995. – С. 14.

⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 27, 32.

⁹ Там же. Д. 185. Л. 33.

¹⁰ Один из студентов, учившихся в Одесском университете, будущий известный советский историк Н. Л. Рубинштейн вспоминал, что Флоровский читал кроме общего курса по древней русской истории спецкурсы по летописанию и исторической географии. Профес-

сор обладал эрудицией, и его курсы были серьёзные, чем у профессора Е. П. Трифильева, читавшего «новую русскую историю» (Трифилев тоже оказался в эмиграции в Болгарии. – Е. А.). Но, по оценке Рубинштейна, лекции Флоровского «не выходили за рамки так сказать учебного материала, не будили нашей научной мысли. Мы, несколько студентов, попытались организовать с участием А. В. Флоровского научный кружок, но работа кружка не развернулась». В то время, отмечал Рубинштейн, «остро вставали общественные и методологические вопросы», и у Флоровского «определенно возрастал интерес к социальной проблематике» (*Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования // История СССР. – 1962. – № 6. – С. 90*). Мнение Рубинштейна о преподавательской деятельности Флоровского может быть субъективным, но вполне возможно допустить, что в первые годы профессорства его преподавательский стиль ещё не сформировался полностью, к тому же события переломной эпохи, безусловно, накладывали отпечаток на идейные и методические искания молодого учёного.

¹¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 33-34.

¹² См.: Паушто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992. – С. 240.

¹³ См.: АРАН. Ф. 1609. Историческая справка. Л. 2.

¹⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 34.

¹⁵ Об одесском периоде жизни см. подробнее: *Галяс В. Русский историк-славист А. В. Флоровский // Дерибасовская — Ришельевская. Одесский альманах. – Одесса, 2003. – Вып. 15. – С. 9-24.*

¹⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 37-38.

¹⁷ Там же. Л. 38.

¹⁸ Там же. Л. 36, 38.

¹⁹ Там же. Л. 38-39.

²⁰ Подробнее о подготовке и осуществлении высылки ученых из страны см.: *Хоружий С. Философский пароход // Литературная газета. – 9 мая 1990. – № 19. – С. 6.*

²¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 34.

²² Там же.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 412. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 458. Л. 18.

²⁵ Там же. Д. 62. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Д. 412. Л. 5; Д. 208. Л. 1; Д. 140. Л. 2, 8, 9; Д. 322. Л. 13-13 об.; Д. 298. Л. 1; Д. 317. Л. 2-2 об.; Д. 147. Л. 1-1 об.; Д. 177. Л. 1-1 об.; Д. 183. Л. 1.

²⁷ Кондаков Никодим Павлович (1844-1925), историк искусства. Профессор Новороссийского (с 1877), Петербургского (с 1888) университетов, академик Петербургской Академии наук (с 1898). Один из организаторов Русского археологического института в Константинополе (1895). В эмиграции профессор Софийского, затем Карлова университета в Праге. Автор многочисленных работ по истории культуры и искусства. После смерти учёного его ученики объединились в семинаре, преобразованном затем в Институт им. Н. П. Кондакова.

²⁸ Вернадский Георгий Владимирович (1887-1973), историк. До революции преподавал в Петербургском, Пермском и Таврическом университетах. В 1922-1927 гг. – профессор Русского юридического факультета в Праге, с 1927 г. жил в США и преподавал в Йельском университете. Почётный председатель американской ассоциации содействия славянским исследованиям. По своим взглядам был близок к евразийцам. Автор более 300 работ по истории России.

²⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 62. Л. 2.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 36.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Д. 260. Л. 7.

³⁴ С 1923 – Русский народный университет, с 1934 г. – Русский свободный университет, в 1942 г. переименован в Русскую учёную академию в Праге.

³⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 3; Д. 260. Л. 2, 4, 35.

³⁶ Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* А. В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // *Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике.* – [Прага], 1997. – № 1. – С. 77-82.

³⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 258. Л. 9-10; Оп. 2. Д. 99. Л. 6-6 об.; Д. 104. Л. 5; Д. 171. Л. 26-27; Д. 364. Л. 4; Д. 372. Л. 24 об.; Д. 490. Л. 3, 5 об.-6, 17 об.; и др.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 35-36; Д. 260. Л. 9.

³⁹ Там же. Д. 185. Л. 36. Из письма Флоровского Г. А. Острогорскому от 5 марта 1947 г. явствует, что за несколько дней до этого его «ввели в качестве заместителя председателя правления Института Кондакова», а в другом письме тому же адресату от 1 мая 1948 г. он сообщал, что «князь Шварценберг сложил с себя звание председателя Правления Института... В настоящее время обязанности председателя Правления исполняю я» (См.: Там же. Оп. 2. Д. 72. Л. 2, 10).

⁴⁰ Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // *Славяноведение.* – 1993. – № 4. – С. 63-74.

⁴¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 72. Л. 10.

⁴² Там же. Д. 2. Л. 1-1 об.; Д. 4. Л. 1; Д. 14. Л. 1-1 об., 4; Д. 171. Л. 30, 32-34, 36; Д. 72. Л. 2-7; Д. 86. Л. 1; Д. 150. Л. 1; и др.

⁴³ Там же. Д. 171. Л. 30.

⁴⁴ Там же. Д. 72. Л. 3.

⁴⁵ Острогорский Георгий Александрович (1902-1976), историк-византист. Приват-доцент Вроцлавского университета, профессор Белградского университета (с 1933). Основатель и директор Византологического института Сербской академии наук и искусств (1948), академик САНИ.

⁴⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 72. Л. 2 об., 8.

⁴⁷ Там же. Д. 14. Л. 2.

⁴⁸ В АН СССР вряд ли были заинтересованы в выходе «конкурирующего» издания, так как существовало академическое издание «Византийский временник».

⁴⁹ Славянский институт создан в 1921 г. в Праге с целью развития научных и экономических связей со славянскими странами, который существует и сейчас в составе Академии наук.

⁵⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 35.

⁵¹ Текст записки и комментарии к ней см.: *Аксенова Е. П.* Записка А. В. Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге» // *Славяноведение.* – 2002. – № 4. – С. 65-67.

⁵² Францишек Буяк (Bujaк, 1875-1953), польский историк, экономист, социолог, профессор Краковского, Варшавского и Львовского университетов, основатель школы польских историков-экономистов, редактор «Ежегодника социальной и экономической истории» (1931-1953. Т. 1-14). Академик (1922), автор более 400 работ по истории экономики Польши, истории Галиции и др.

⁵³ Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 36. В письмах к Фр. Буяку Флоровский сообщал, что составил словник «по доисторической археологии России», алфавитный «список по Подкарпатской Руси», делал замечания по русскому отделу, предлагал больше включить собственных имен (персоналий, среди которых Сергей Радонежский, Стефан Пермский и др.) и географических названий (Оп. 2. Д. 10).

⁵⁴ Назовём лишь некоторые из них: «История России в XIX в. (Александр I, Николай I, Александр III)», «Социальная история России XVIII–XIX вв.», «Начало Московского государства», «Русско-польские отношения в XVIII–XIX вв.» и др.

⁵⁵ Ф. 1609. Оп. 2. Д. 174. Л. 38 об., 40, 43-43 об., 47, 49 об.; Д. 86. Л. 5 об. Ни в автобиографии, ни в письме одному из коллег Флоровский не уточняет, когда произошло утверждение его в должности и какой президент издал соответствующий указ – Э. Бенеш или

К. Готвальд. Письмо датировано 11 ноября, Э. Бенеш умер 3 сентября, К. Готвальд был избран президентом 14 июня, так что, вероятнее всего, именно он подписал важный для Флоровского документ.

⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 35; Д. 228. Л. 1-2.

⁵⁷ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 122.

⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 171. Л. 1 об.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 41-42.

⁶⁰ В 1924 г. по распоряжению МИД Чехословакии была создана русская библиотека, комплектовавшая русские, украинские и белорусские издания. В 1927 г. принято решение о расширении комплектования за счёт литературы других славянских народов. Одновременно библиотека переименована в Славянскую библиотеку, которая со временем превратилась в крупнейшее в Европе собрание славянской литературы. В 1932 г. библиотека приобрела ценное собрание петербургского издателя А. Смирдина (11 тыс. томов). В настоящее время Славянская библиотека действует при Национальной библиотеке.

⁶¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 238. Л. 3.

⁶² Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 42.

⁶³ Там же. Л. 36, 40.

⁶⁴ Там же. Л. 36, 42.

⁶⁵ Там же. Л. 42-43.

⁶⁶ Об этом подробнее см.: *Флороўскі А. Scoringiana // 450 год беларускага кнігадрукавання.* – Мінск, 1968. – С. 389-433.

⁶⁷ См.: *Florovský A. Nové správy o pobytu Františka Skoryny v Praze // Časopis Národního Musea.* – Pr., 1936. – Т. CX. – С. 11-19.

⁶⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 44.

⁶⁹ Подробнее об исследовании Флоровским русско-чешских взаимоотношений см.: *Лантева Л. П. Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник Московского университета. Сер. 8. История.* – 1994. – № 1.

⁷⁰ *Флоровский А. Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон // Slavica.* – 1959. – С. 555-578.

⁷¹ См. библиографию трудов Флоровского в кн.: *Пауто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе.* С. 179-182.

⁷² *La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1921-1926 // Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie.* 1928. Т. I/1/2. P. 81-121; *The Work of Russian Emigres in History (1921-1927) // Slavic Review.* 1928. Vol. XIX; *La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1927-1929 // Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie.* 1930. Т. III/1/2. P. 25-79; *Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Труды V съезда русских академических организаций за границей.* – София, 1931. – Ч. 1. – С. 467-484.

⁷³ *La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu, 1921-1931 // Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie.* 1935. Т. VI-VII; *Historical Studies in Soviet Russia // Slavic Review.* – 1935. – Jan. – Vol. XIII. – N 38. – P. 457-469.

⁷⁴ *Памяти А. А. Кизеветтера // Записки Русского научного института в Белграде.* – 1934. – Вып. 11. – С. 1-15; *А. А. Кизеветтер (Биографический очерк) // Записки Русского исторического общества.* – 1937. – Т. 3. – С. 165-207.

⁷⁵ *Evgenij Francevič Šmurlo // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte.* – 1934. – Bd 8. – S. 536-552.

⁷⁶ *Борис Алексеевич Евреинов (28.XI.1888-29.X.1933). Некролог // Ročenka Slovanského Ústavu.* – Pr., 1935. – Sv. V-VII (1932-1934). – С. 320-325.

⁷⁷ См.: *Пауто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе.* С. 365-370.

⁷⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 234.

⁷⁹ Там же. Д. 34.

⁸⁰ Там же. Д. 90, 427.

---

⁸¹ По некоторым данным, А. В. Флоровский посетил Москву, Ленинград, Минск, где встречался с советскими учёными (см.: *Галас В.* Русский историк-славист А. В. Флоровский. С. 23). В письмах К. В. Флоровской к брату сообщается о направлении ему вызова для посещения СССР в 1960 г., но неизвестно, воспользовался ли он этим приглашением (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 460. Л. 97, 104, 125 об.).

⁸² См., например, статьи: Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // ТОДРЛ. – 1960. – Т. 16. – С. 555-578; Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // ТОДРЛ. – 1961. – Т. 17. – С. 482-494.

⁸³ Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1967 г. – М., 1969. – С. 236-241.

⁸⁴ По свидетельству самого Флоровского, в журнале был опубликован автореферат на его книгу (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 102. Л. 8). См.: *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне в X-XVIII вв. // Вопросы истории. – 1947. – № 8. – С. 66-73.

⁸⁵ Чешские струи в истории русского литературного развития // Славянская филология. Сб. статей. IV международный съезд славистов. – М., 1958. – С. 211-251.

⁸⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 102. Л. 1 об.

⁸⁷ См.: *Пацито В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 367.

⁸⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.

⁸⁹ Там же. Д. 16. Л. 1 об.

⁹⁰ Там же. Д. 86. Л. 5 об.